

Глава первая

МАДЕМУАЗЕЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ АЖАН

Голубой «Фиат Пунто», слегка гудя мотором, бодро штурмовал горбатую асфальтовую дорогу, по обе стороны которой величественно возвышались могучие изумрудные сосны. Прямо по курсу полыхала под солнцем белым пламенем снеговая шапка ближней горы.

«Фиат» вел синьор Анджело Моретти, итальянец лет сорока, с мрачноватым смуглым лицом, похожий одновременно на древнеримского легионера и на Лукино Висконти. Синьор Моретти знал об этом своем сходстве с гением кино и даже немного гордился им. Вот и сейчас двойник знаменитого режиссера нежно поглядывал в зеркало заднего вида, в котором отражался не так задний вид, как сам водитель.

— Лучше бы ты был похож на Марчелло Матространны, — ядовито заметила сидевшая рядом с ним синьора Моретти, большеногая худая брюнетка с лицом, слегка обезображенным чрезмерно здоровым образом жизни. — В крайнем случае — на Адриано Челентано.

— Был бы я похож на Адриано Челентано, я спал бы не с тобой, а с Орнеллой Мути, — буркнул синьор Анджело.

— Челентано не спит с Орнеллой Мути! — возмутилась синьора. — Это во-первых. Во-вторых, Орнелла Мути — старая толстая мумия. И если ты хочешь с ней спать, ты просто извращенец и маньяк. Ты еще с Тутанхамоном выспись, некрофил!

Синьор Моретти пропустил мимо ушей египетского фараона, о котором знал только понаслышке, и вернул разговор к гораздо более симпатичной ему Орнелле Мути.

— Это сейчас она корова, а лет пятьдесят назад была очень даже ничего, — Анджело слегка тормознул на пустой дороге. Он сделал это специально, чтобы благоверная клюнула своим большим носом, но при этом не расплющила его о лобовое стекло — проклятые пластические хирурги запросто могут разорить бедного итальянца.

— Пятьдесят лет? Да пятьдесят лет назад тебя и на свете не было. И смотри, куда едешь, не свиней везешь! Я просто ангел, настоящий ангел, что терплю тебя! Это все твоя пораженная Луна и слабый Меркурий, тебе надо работать над собой, расширять сознание, а не обжираться пастой с помидорами!

— А чем, по-твоему, я должен обжираться? — разозлился Анджело. — Может быть, гамбургерами? Имей в виду, Кьяра, я итальянец и буду есть пасту, даже если все на свете жены запретят мне ее есть!

— Не смей на меня орать! — вдруг заголосила супруга.

— А ты не смей меня учить...

Синьора Моретти демонстративно сложила пальцы в мудру «знание», закрыла глаза, замычала «ом-м-м-м!» и спустя несколько секунд заговорила с необыкновенным торжеством:

— Вижу! Вижу! Я вижу...

Супруг не выдержал и ехидно осведомился, что такого увидела его благоверная, чего не разглядела за предыдущие сорок лет ее жизни.

— Я вижу, что ты исчерпал терпение небес! — взвизгнула синьора Моретти. — С тобой случится... О, я даже не решаюсь сказать! Но знай, что с тобой сейчас случится что-то страшное! Что-то чудовищное, жуткое...

— Если со мной случится что-то жуткое, то и с тобой случится что-то жуткое, потому что мы в машине, а я за рулем! — рявкнул Анджело.

Несколько секунд супруга сидела, поджав губы, потом сказала скорбным голосом.

— Останови. Я выйду.

Моретти поднял брови.

— Тебя что, укачало?

— Нет. Я просто не могу дышать с тобой одним воздухом. — Вид у синьоры был трагический. — Останови, я выйду и пойду пешком.

Анджело пожал плечами: только дурак спорит с женщиной, если она решила уйти. «Фиат» сбросил скорость и съехал на обочину. Кьяра накинула на плечи желтую ветровку с красной полосой, вылезла из машины и тихо прикрыла за собой дверцу. Синьор Моретти смотрел, как она, вжав голову в плечи, медленно и сиротливо удаляется в сторону ближней горы.

Ему вдруг стало жалко жену — а что вы хотите, синьоры, столько лет вместе! Он слегка придавил педаль газа, поравнялся с супругой, открыл окно, крикнул:

— Не валяй дурака, Кьяра, лезь в машину. Через полчаса начинается твой ретрит¹. Гуру тебя не похвалит, если ты опоздаешь к началу.

Синьора Моретти ничего ему не ответила и даже не взглянула в его сторону. Анджело раздраженно хмыкнул и выжал педаль газа.

Однако далеко уехать он не успел — за спиной раздался такой крик, что зазвенело в ушах.

Моретти затормозил и оглянулся назад. Кричала Кьяра, показывая пальцем в сторону ближайшей к ней сосны. Анджело сдал назад, подъехал к жене, вышел из машины. В глубине души он еще надеялся, что все это несерьезно, что это всего-навсего очередной театральный трюк вздорной женушки. Но Кьяра продолжала кричать, с ужасом глядя туда, куда указывал ее палец.

— Что с тобой?! — не выдержал синьор Моретти. — Что еще случилось, черт тебя подери?

— Там... — простонала она. — Там человек!

Она наконец отвернулась, прижалась к его груди и горько заплакала. Анджело посмотрел в ту сторону, куда только что указывал ее палец, и лицо его, мужественное лицо римского легионера, исказилось ужасом. На обочине, уткнувшись бампером в сосну, стоял оливковый «бентли». Опрокинув голову на руль, в машине сидел седовласый синьор в дорогом коричневом пиджаке.

¹ Ретрит — в данном случае семинар, выездная сессия.

Лицо его смутно белело сквозь боковое стекло, рот был приоткрыт, широко распахнутые глаза глядели неподвижно, словно стеклянные. Судя по всему, синьор был мертв окончательно и бесповоротно.

* * *

Аэропорт Гренобля Альпы-Изёр встретил старшего следователя Ореста Витальевича Волина равнодушной прохладой. Безразличны были лица идущих рядом пассажиров, рассеянны физиономии пограничников, и даже таможенник ни разу не взглянул на него, пока Волин проходил контроль.

Видно было, что здесь привыкли к туристам вообще и к русским туристам в частности. Этому способствовали многочисленные горнолыжные курорты, соседствующие со старинным городом, для которого нашествия были не в новинку и который помнил еще римских цезарей. «Руссо туристо — евро привозисто», — громко заявил в самолете перед посадкой подвыпивший пассажир, настолько лысый, что недостаток волос на голове не возмещала даже густая шкиперская борода.

Можно было бы, конечно, возразить лысому, что евро везут не только русские туристы, но и любые другие, однако спорить не было никакого смысла. Тем более что у самого Волина этих самых евро кот наплакал. По словам полковника Щербакова, приглашающая сторона обязалась оплатить все расходы, в том числе и билеты на самолет. Но обя-

зательства обязательствами, а денег в кармане все ж таки хотелось бы иметь побольше.

Аэропорт Альпы-Изер, вполне себе современный снаружи, изнутри тем не менее выглядел весьма провинциально, почти местечково. Во всяком случае с московскими аэропортами не было никакого сравнения. Орест Витальевич вспомнил, как в новосибирском аэропорту Толмачёво тетенька с телосложением борца-тяжеловеса торжественно вручила ему анкету, в которой, среди прочих, был и такой вопрос: «Чем, по-вашему, аэропорт Толмачёво превосходит другие мировые аэропорты?» Тогда Волин посчитал, что Толмачёво мог превзойти другие мировые аэропорты только в кошмарном сне. Однако теперь, увидев Альпы-Изер, подумал, что вот с ним-то аэропорт Толмачёво вполне мог бы посоревноваться — такое это было тихое, сонное и даже почти кроткое место.

С другой стороны, думал старший следователь, население Гренобля — чуть больше ста пятидесяти тысяч, куда, скажите, им летать? Если бы не курорты вокруг, был бы этот аэропорт обычным автовокзалом, от которого два раза в день отъезжал бы автобус в сторону границы с Италией.

Волин покинул зону прилета и завертел головой, ожидая, что вот-вот явится человек в штатском, но с характерным суровым ликом французского ажана и с табличкой в руках: «Мсье Волин, Москву»¹.

Однако никакого ажана тут не было — ни в штатском, ни в форме, ни даже голого. Волин

¹ Monsieur Volin, Moscou (*фр.*) — мсье Волин, Москва.

с легким раздражением подумал о вечной французской необязательности. То ли дело немцы. Впрочем, и у них, говорят, в последние годы стали опаздывать поезда, так что вопрос о педантичности уже просто не стоит — быть бы живу.

Старший следователь поймал себя на том, что он сегодня как-то мрачно и критически настроен к окружающей действительности. Что, в самом деле, за конец света такой? Не явился встречающий — не проблема, сейчас найдем номер местного полицейского управления и позвоним сами...

Он вытащил смартфон и начал тыкать в экран указательным пальцем с решительностью человека, брошенного посреди чужого государства почти без средств к существованию. Неизвестно, до чего бы он так дотыкался, но тут за спиной его раздался до боли знакомый голос.

— С приездом, товарищ Волин, — сказал голос с очаровательным французским акцентом.

Он обернулся. Сумрачный вечер расцвел радугой, словно бы под потолком аэропорта кто-то запустил незаконный салют. На Волина, слегка улыбаясь, смотрела капитан французской полиции мадемуазель Ирэн Белью, для старшего следователя — просто Иришка Белова. Изумрудные глаза, русые волосы, чуть вздернутый носик — все близкое и родное до невозможности.

— Темный шатен, глаза карие, черты лица правильные — я не ошиблась, вы действительно майор юстиции Волин?

— Иришка, ты здесь откуда?!

От радости старший следователь совершенно забыл, что находится в публичном месте и, более

того, в зоне повышенной опасности. Презрев все условности, он попытался сграбастать барышню в охапку. Но мадемуазель французский ажан решительно уперлась ему кулачками в грудь и сграбастать себя не позволила.

— Но-но, — сказала она, хмурясь, — потише, тигр. Мы здесь на службе, так что будь добр, держи при себе свои длинные руки и все остальное — тоже.

— Руки — согласен, — вздохнул Волин. — Насчет всего остального не обещаю.

Ирина посмотрела на него весьма холодно.

— Давай-ка расставим все точки над «ё», — сказала она, как всегда, путаясь в русских поговорках. — Имей в виду, это я тебя сюда вызвала, ты поступаешь под мое командование, так что будь любезен, слушай и повинуйся.

Он хотел было спросить шутливо, с каких это пор майор повинуется капитану, но посмотрел на ее серьезное лицо и передумал.

Они вышли из аэропорта, дошли до автостоянки, уселись в белый Иришкин «Рено Клио». Над аэропортом тьму разгоняли сильные прожектора, а вот за его пределами ночь уже окутала окрестности теплым синеющим мраком.

— Куда едем? — осведомился старший следователь, застегивая ремень безопасности: все ж таки Европа кругом, а не российская вольница, хочешь не хочешь — блюди цивилизованный вид.

Ехали они, как выяснилось, на горнолыжный курорт Ла-Розьёр.

— Горнолыжный? — удивился он. — Какие лыжи в июне месяце?

В июне, разумеется, никаких лыж там не было, но курорт все равно действовал. Только вместо лихих слаломистов и юных прелестниц сюда приезжали старички, семейные пары, обремененные детьми, и участники разных конференций.

— Научных конференций? — заинтересовался Волин.

— И научных тоже, — кивнула Иришка, — но дело не в этом. Дело в том, что рядом с курортом нашли машину, врезавшуюся в сосну, а в ней — мертвого человека. Человек был не первой молодости, так что поначалу решили, что умер он от сердечного приступа. Однако при вскрытии судмедэксперт обнаружил довольно странную картину — внутренности покойника превратились в желе.

Старший следователь на миг задумался: желе внутри человека — что-то больно экзотично. Смахивает на голливудский боевик про инопланетные вирусы. Может, просто во время аварии так сильно пострадал — при столкновении с деревом?

— Дерево тут ни при чем, — ответила Иришка и резво обогнала длинную грузовую фуру, едва не выскочив на встречную полосу. Авто, ехавшие за ней, загудели вслед, явно не одобряя лихой маневр. — Удар был очень легкий, машина просто скатилась на обочину. Более того, никаких видимых повреждений на теле покойного нет, если не считать синяка на скуле.

Старший следователь предположил, что синяк мог появиться от удара о руль. Ирина пожалала плечами. Может, и так, может, и о руль. Но плачев-

ного состояния внутренних органов покойника это все равно не объясняет.

Тут мадемуазель ажан отвлеклась от темной дороги, которая плавно катилась им под колеса, и на миг взглянула на Волина. Он улыбнулся, но улыбка его тут же и растаяла: губы у Иришки дрожали, зрачки были расширены.

— Что с тобой? — спросил он с беспокойством.

Несколько секунд она молчала, глядя вперед, на дорогу, потом заговорила. Она не знает, что с ней. Она полицейский, повидала всякое, но именно эта история почему-то ужаснула ее. Этот несчастный покойник и то, что с ним сделали... Волин, конечно, может думать что хочет, но во всем этом есть что-то жуткое, инфернальное, нечеловеческое.

— Ты знаешь, я в мистику не верю. Но тут... — Ее всю передернуло. — Видел бы ты его... Кто мог такое сделать с человеком?! Зачем, почему?!

Она кусала губы. В таком плачевном состоянии свою боевую подругу Волин видел в первый раз.

— Ну-ну, не волнуйся. — Он положил ей руку на плечо, слегка сжал его.

Она не волнуется. Она просто не понимает, что происходит. Этому нет никакого рационального объяснения. А хуже всего, что она боится. Она, которая никогда ничего не боялась. Если честно, именно поэтому она и вызвала Ореста — чтобы не остаться с неведомым злом один на один.

Волин кивал согласно, а сам думал, что все-таки психика у женщин менее устойчива, а воображение развито сильнее, чем у мужчин. Вот потому, наверное, в полицейские и солдаты идут в основном представители сильного пола. Или, как это

сейчас правильно говорить — не пола, а гендера? И, наверное, не сильного, а бородатого или еще какого-нибудь такого же толерантного...

— А кто он вообще, этот покойник? — спросил старший следователь, пытаясь хоть немного отвлечь Иришку от ее кошмаров. — Личность установили?

Оказалось, что личность они пока только устанавливают. При погибшем не имелось никаких документов, даже смартфона не было. Правда, машина оказалась с итальянскими номерами. Ирина уже послала запрос в итальянскую полицию, чтобы выяснить, кому принадлежит злосчастный «бентли».

— И кому же?

Мадемуазель ажан посмотрела на него с удивлением. Он что — оглох? Она же сказала: послали запрос.

— Да зачем запрос, — удивился Волин, — надо было просто пробить по открытым базам.

Подруга его только головой покачала. Он так и не стал цивилизованным человеком. Здесь ему не Россия, здесь нет открытых баз. А если даже и есть, то они взломанные, а значит, полиция ими не пользуется. Старший следователь махнул рукой: нет так нет, насильно мил не будешь. Есть тема поинтереснее. Это правда, что погибший — родом из России?

Иришка кивнула. Да, на плече у него — след от сведённой татуировки. Судя по всему, буквы русские, но разобрать всю надпись она не смогла. Может быть, у Волина получится? Он улыбнулся: ладно, посмотрим, что там за буквы...